

ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИСТОВ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Фредерик Лебарон

«ПРОТИВ, НАПРОТИВ...»: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ЭКОНОМИЗМ

В данной статье кратко представлены два центральных (и не часто вспоминаемых критиками) аспекта публикаций П. Бурдьё, вышедших в период с 1958 по 1966 гг.: тесная, но весьма неоднозначная связь между его работой и экономической наукой как дисциплиной, усиливающей в эти годы свое влияние; и вместе с тем критика, направляемая Бурдьё против экономической модели как универсального инструмента социальных наук. Опустив один из этих аспектов, мы рискуем неверно оценить оригинальность интеллектуального проекта и научного габитуса Бурдьё. Именно двойственность его позиции делает возможным видение, интегрирующее в себе «экономические и социальные» факторы практики, благодаря вводу в рассуждения, формально инспирированные экономикой, культурных и символических измерений.

Two central aspects of P. Bourdieu's work during the 1958-1966 period, which have often been forgotten by critics, are briefly presented below: the close but very particular link between his work and economics as a growing scientific discipline during these years and the criticism Bourdieu develops against the Economic Model as a general scientific tool for the social sciences. If one insists only upon one of the two sides of the coin, one risks to misunderstand Bourdieu's original scientific habitus and intellectual project. This «double» position, however, opens the possibility of an «integrated» vision of social and economic factors of practices, due to the introduction of the «cultural» and above all the «symbolic» dimensions.

Систематическое обращение Пьера Бурдьё к экономическим аналогиям нередко становилось предметом критики. Некоторые полагают, что их использование свидетельствует о присущем ему «экономическом» видении социального мира, сложившемся под очевидным влиянием неоклассической теории [1, р. 257-274]. К примеру, Ален Кайе рассматривает подход Бурдьё как разновидность «утилитаристской» концепции, присутствие которой весьма ощутимо в современных социальных науках. По его мнению, «экономизация социологического языка» у Бурдьё способствовала оправданию теории, сводящей все разнообразие человеческого поведения к тотальной

гонке за выгодой и удовлетворением личных материальных потребностей. Хотя Бурдьё неоднократно критиковал этот вид «беккеровской» редукции, верно и то, что в центр своей модели он поместил (зачастую отрицаемые) личные интересы агентов, относясь скептически к моральным или нормативным объяснениям, которых обычно придерживаются сами агенты, особенно — в религиозных кругах и в сфере культурного производства*.

По мнению других исследователей, экономическая аналогия есть не что иное, как метафора механизма, перенесенная согласно детерминистской схеме на феномены культуры, как, например, в холистской (марксистской) традиции. Бурдьё ставится в вину, что он распространяет детерминистские концепции индивидуального действия или культуры Карла Маркса, в результате чего эти последние оказываются сведенными к социоэкономическим инфраструктурам, в частности, к классовой структуре, определяемой через неравное распределение капиталов. Считается, что в его трактовке интерес, капитал и т. д. ставятся в зависимость от объективных условий социального существования, именуемых классом, иными словами — от детерминистских структурных (глобальных) факторов. В таком случае, индивиды — в первую очередь это затрагивает художников и других творческих людей — лишаются какой бы то ни было индивидуальной способности к творчеству и к любой форме рационального действия, соответствующего автономным стратегиям или когнитивным представлениям [6, р. 587-633].

Позиция Ж.-К. Пассрона [7, р. 551-584] в данной дискуссии выглядит как попытка прояснить следствия и очертить пределы использования заимствованных из экономики «метафор». Здесь, в первую очередь, речь идет о метафоре инфляции, а также рынка и капитала. Пассрон [7; 8] настаивает на том, что их систематическое применение позволяет накапливать эмпирический материал и что, следовательно, нет нужды ограничивать его с помощью самоцензуры позитивистского толка: эти метафоры могут стать стимулом к новым ценным наблюдениям. Однако их использование может быть, по его мнению, неадекватным; к примеру, при их механическом переносе из одной области в другую. Таким образом, этот, третий по счету, тип критики сфокусирован на пределах валидности так называемого языка экономической формализации социальных явлений. Несводимый к двум предыдущим, этот тип, в действительности, открывает дискуссию относительно природы экономической лексики (в каком смысле она является производной от специфической дисциплинарной рамки и каким образом может применяться к

* См. специальный номер журнала [2], в частности, статьи Ричарда Сведберга и Бернарда Конверта, Я выражаю признательность Мари-Франс Гарсия, Йохану Хелбруну, Одиль Анри и другим участникам группы «Экономическая социология» Центра европейской социологии за коллективные дискуссии, посвященные теме Бурдьё и экономики. С начала работы над этим текстом появился ряд публикаций, позволивших уточнить контекст встречи Пьера Бурдьё с молодыми статистиками-экономистами в Алжире, затем в ENSAE (Национальная школа статистики и экономического управления — прим. персе.) и по случаю colloquium в Аррасе. См.: [3, р. 139-152; 4, р. 209-218; 5, р. 94-98]. В основу статьи легло также несколько частных бесед с Пьером Бурдьё, состоявшихся в период с 1996 по 2001 гг. Так, выражение «против, напротив» (*«contre, tout contre...»*), описывающее его отношения с экономической теорией, было мне подсказано самим Пьером Бурдьё, проявившим интерес к гипотезе «двунаправленного движения».

специфическим объектам, определяемым как «экономические»?), а также о самом понятии экономической аналогии, обычно упоминаемом в связи с использованием Бурдье таких понятий, как «капитал», «рынок» и др.

1958-1966: семь направлений эмпирических исследований

Чтобы лучше понять использование экономической аналогии и опровергнуть эти противоречивые обвинения, полезно обратиться к первым, относящимся к 1958-1966 гг., упоминаниям того, что впоследствии будет названо Бурдье «общей теорией экономии практик» в работе «Эскиз теории практики» [9]. К 1965-1966 г. Бурдье уже принял участие в семи больших коллективных исследованиях на экономические и социальные темы, что позволило ему поработать с разнообразными предметами и ознакомиться с экономическими теориями.

Темой первого крупного исследования стал переход от традиционного общества к капиталистической современности и трансформация экономического этоса (рационализация). Это так называемый алжирский период, послуживший основой для многочисленных публикаций, изданных, главным образом, между 1958 и 1977 гг. [9-11]. Эти ранние работы позволили Бурдье вступить в дискуссию по поводу модели рационального действия, приобретшей к тому времени популярность, в частности, в INSEE*, а также среди молодых экономистов в администрации. В основу данной дискуссии были положены наблюдения как этнографического, так и статистического характера, касающиеся труда, занятости и темпоральных структур в Алжире. Именно в этот период Бурдье начинает переосмысливать некоторые категории К. Маркса для иных контекстов, применяя, к примеру, понятие «простого воспроизводства» к изучению циклического времени традиционного общества.

Второе исследование было посвящено аналогичным изменениям, происходившим в тот же период в Беарне — местности, где родился Бурдье — и имевшим следствием специфическую форму аномии среди молодых крестьян. (Первая статья по результатам исследования Беарна появилась в 1962 году [12, р. 32-136].) Данная работа предоставила ему возможность изучать феномен экспансии «рыночной экономики» в общества с традиционным укладом, и в частности — его связь с передачей капитала (земли) посредством брака, которая представляет собой центральное звено процесса воспроизводства экономического неравенства. Именно наследство является самым «экономическим» предметом и концептом, стимулирующим всю дальнейшую теоретическую работу Бурдье. Оно будет использовано в исследовании, посвященном французским студентам, и ляжет в основу понятия стратегии воспроизводства, сформулированного позднее [9].

Третьим в этом ряду стало исследование Банковской компании: то, каким образом депозитный банк управляет различными социальными характеристиками своих клиентов, и то, как он организует конкретные интеракции между спросом и предложением кредита**. Это означало проникновение уже непосредственно в сферу денежного обращения и финансов, в ходе которого Бурдье и его коллеги восстанавливают исконный смысл «кредита»

* INSEE—Национальный институт статистики и экономических исследований. - *Прим. перев.*

**См. неопубликованный отчет об исследовании [13].

и «вклада», которые оказываются напрямую связанными с доверием и вписанными в конкретные социальные отношения, структурированные неравенством. В этот момент Бурдье знакомится с дискурсом профессионалов в области предпринимательства и управления. Он устанавливает, что банковский кредит связан с обладанием личным капиталом, а вариации в восприятии кредита клиентами — с их культурными и экономическими ресурсами.

В фокусе следующего исследования оказались экономические и социальные детерминанты школьного неравенства, в частности - в сфере высшего образования («Наследники» были опубликованы в 1964 году [14]). Это исследование знаменует собой переход от экономического определения наследства (наследование имущества и особенно — земли) к более широкой дефиниции, где земля и денежный/финансовый капитал представляют собой частные случаи тех «вещей», которые передаются семьями своим детям с целью сохранить или улучшить их общественное положение: ценности класса, культурные иерархии, практики и т. д.

«Исследование Кодак», опубликованное в 1965 году при поддержке правления компании Kodak-Pathé [15], было посвящено изучению детерминант таких культурных практик (являющихся также практиками потребления), как фотография. Эти культурные практики рассматриваются в связи с общими процессами наследования и воспроизводства социального порядка. Однако Бурдье и его коллеги не ставят их в исключительную зависимость от экономических ресурсов, как представляют некоторые критики. Такие объяснительные факторы, как культурные ресурсы и этос класса, нередко игнорируются, хотя они оказывают, тем не менее, значительное влияние на практики. Так, в основе использования фотографии лежит внутрисемейное воспроизводство, а эстетические категории восприятия фотографии зависят от социальных привычек, этоса класса и распределения культурных ресурсов.

Предметом следующего исследования стало изучение детерминант культурных практик на примере посещения музеев (его результаты были впервые опубликованы в 1966 г. [16]). В ходе данной работы Пьер Бурдье и Ален Дарбель предприняли наиболее полную и удачную попытку использования возможностей математической формализации и статистической валидации при анализе культурных практик. Это свидетельствует о глобальном усвоении микроэкономических теорий и эконометрии, перенесенных теперь в мир культуры. Понятие «культурного уровня» играет здесь центральную роль как индикатор социальных неэкономических факторов.

Наконец, седьмое исследование было посвящено социальным измерениям глобальных экономических изменений, происходивших во Франции после второй мировой войны, и в частности — вопросу воспроизводства социального неравенства в условиях ускоренного экономического роста. (Коллоквиум в Аррасе состоялся в июне 1965 г., а его материалы были опубликованы в 1966 г. [17].) Это событие сделало возможной интенсивную и институционализированную дискуссию с ведущими экономистами на их собственной территории (макроэкономические изменения). Другим его итогом стал синтез теоретических и эмпирических взглядов, способствовавший формализации диалога с экономической наукой.

В этот период насыщенной коллективной работы, сравнимой с бурлением некоего интеллектуального «котла», Бурдые начинает конструировать свою теорию общества в непосредственной связи с практикой. Он использует эти многочисленные полевые исследования как порождающие матрицы в процессе обобщения, расширения и переноса, сопоставляя их предметы, создавая гибридные методы, концепты и сравнивая результаты. Эта программа будет продолжена коллективно и индивидуально после 1966 г. Ниже мы постараемся коротко представить два ключевых для периода 1958-1966 гг. аспекта, которые редко рассматриваются в критической литературе. Во-первых, речь пойдет о тесной, но совсем не простой связи, существующей между работой Бурдые и экономикой как научной дисциплиной, добившейся к тому времени высокого статуса. Во-вторых, мы остановимся на критике Бурдые экономической модели как универсального инструмента социальных наук. Упуская из виду какой-то один из этих аспектов, мы рискуем неверно оценить то, что составляет оригинальность интеллектуального проекта и научного габитуса Бурдые. Именно эта двойственность позиции делает возможным видение, интегрирующее экономические и социальные факторы практик путем ввода в рассуждения, формально инспирированные экономикой, культурных и символических измерений.

Бурдые: от Алжира до Арраса

В 1958-1966 гг. Бурдые поддерживает довольно тесные дружеские и интеллектуальные контакты с молодыми статистиками и экономистами из INSEE, бывшими учениками таких неоклассических экономистов, как Эдмонд Малинво, первооткрыватель «современной» экономической теории по образцу Комиссии Коулса* [18, р. 67-71]. Эти контакты особенно интенсивны в Алжире, где Бурдые плотно сотрудничает с Аленом Дарбелем, Клодом Сибелем и некоторыми другими исследователями [19]. В этот период проверяются и применяются довольно оригинальные исследовательские методы в условиях творческой свободы, какой обычно не располагают молодые экономисты из администрации. Эти разработки касаются, в основном, вопросов определения понятий труда, занятости и безработицы [3, р. 139-152].

В годы, последовавшие за «алжирским периодом», тесное сотрудничество продолжилось, заслужив высокую оценку руководителей INSEE, который был в свое время одним из ключевых центров кейнсианства внутри французской администрации [20]. Коллоквиум в Аррасе (*Colloque d'Arras*) был организован в июне 1965 г. под патронажем Клода Грюзона, занимавшего пост генерального директора INSEE в шестидесятые годы. В предисловии к материалам коллоквиума, опубликованном за подписью «Дар-

* «Cowles Commission for Research in Economics» — неправительственная неприбыльная организация, созданная в 1932 г. экономистом и бизнесменом Альфредом Коулсом на базе университета Колорадо Спрингс. Основной вклад Комиссии Коулса в экономическую науку состоял в создании и развитии эконометрии и теории общего равновесия. В 1936 г. Комиссия переехала в Чикагский университет. — *Прим. перев.*

рас» в 1966 г. в серии «*Sens commun*», руководимой Бурдьё, Грюзон подчеркивал глубокую оригинальность и многостороннюю пользу сотрудничества между экономистами, демографами и социологами.

В качестве главной темы коллоквиума был заявлен экономический рост, его детерминанты и последствия. Его участники-экономисты смогли нарисовать общую картину процесса быстрого восстановления экономики после второй мировой войны, для которого были характерны бурные изменения, порождавшие многочисленные структурные проблемы (в том числе, инфляцию). Но центральным для всей книги — и не только для частей или глав, написанных Пьером Бурдьё, Аленом Дарбелем и другими членами Центра европейской социологии — стал вопрос социального неравенства в контексте экономических изменений. Некоторые авторы (социологи, экономисты) рассматривали «механизмы передачи экономического и культурного наследства», лежащие в основе социальной инерции, на удивление сильной в эпоху повсеместного распространения дискурса «мутации» (вместе с теорией «массовизации» или массового потребления). Вообще, при анализе текстов Бурдьё, начиная с работ об Алжире и заканчивая «Мужским господством» [21], четко прослеживается следующая центральная тема его социологической мысли: тенденции к инерции чаще всего недооцениваются, однако они не являются простым следствием ни экономического воспроизводства (например, эксплуатации), ни материальных или физических факторов. Даже в периоды крупных экономических изменений культурные и символические факторы значительно ограничивают «подвижность», или «текучесть» общества*. Такое видение идет вразрез с журналистскими концепциями изменения (чьей излюбленной темой в шестидесятые годы была «массовизация», а в наши дни — «глобализация»), но также с экономической теорией, согласно которой изменения легко осуществимы, поскольку акторы способны быстро адаптироваться или приспосабливаться к новым условиям. Рациональные акторы — это акторы, не имеющие прошлого, ориентированные на будущее, постоянно соотносящие свои действия с поставленными целями без поправок на предшествующий социальный опыт. (Эта способность связана с идеей «регулирования», используемой в отношении рынков.) В силу всех этих причин Бурдьё относится к механической экономической теории с большим скепсисом: для него слишком очевидна разница социальных диспозиций, предрасполагающих к тому или иному типу поведения (рациональному или нет), чтобы принять на веру фиктивные макроэкономические основания мифического макроэкономического дискурса.

Внимательный взгляд на сборник материалов коллоквиума в Аррасе позволяет различить еще больше точек соприкосновения между Бурдьё и молодыми статистиками и экономистами INSEE. В главе, посвященной концу мальтузианства, Бурдьё и Дарбель пытаются понять связь, существующую между эволюцией уровня рождаемости и числом детей в семье, с одной стороны, и глобальными экономическими и социальными из-

* Все три центральных понятия «габитуса», «культурного капитала» и «различия» уже присутствуют в текстах Бурдьё, собранных в книге [17].

менениями — с другой. Они подвергают критическому разбору работы демографов, опирающихся на так называемую модель рационального действия в попытке объяснить увеличение уровня рождаемости во Франции после второй мировой войны. Они показывают, что в этой сфере особенно трудно изолировать экономическую рациональность от разнообразных тесно переплетенных социальных факторов, таких, как «система ценностей» или «этнос». Эти виды факторов всегда влияют на решение завести ребенка и на «выбранное» число детей. Однако авторов не пугают экономические модели. Они пишут уравнение предельной себестоимости ребенка и вычисляют, что его решение достигает максимума, а число детей в семье, соответственно, минимума — в средних классах, что не противоречит статистическим наблюдениям.

Проблема этой упрощенной модели, по их мнению, состоит в том, что она не включает в себя эксплицитный анализ многочисленных сложных социальных детерминант, связанных с экономическими ожиданиями; среднее количество детей может быть поставлено в зависимость от большого числа факторов, включая социальную мораль, мораль группы, уровень образования, экономическую защищенность и т. п. Такие эконометрические методы, как линейная регрессия (то же самое относится сегодня к логистической регрессии), не позволяют корректно изолировать один фактор от другого в силу проблемы мультиколлинеарности [данных]. В этой работе Дарбель предстает примерным учеником Э. Малинво, блестяще проанализировавшего в своих книгах и лекциях методы регрессии, основанной на мультиколлинеарности [22, р. 13-45] (феномене, общем для того типа данных, с которым имеют дело социальные науки). В других работах Бурдые и Дарбелю удастся довольно полно смоделировать практики на манер экономистов, но без потери социологических факторов, потенциально обладающих объяснительной силой [16; 23]. Вместе с тем, в тех же самых книгах они высказывают разочарование в эконометрических техниках (методах регрессии), обусловленное техническими ограничениями, накладывающимися на их использование. Несколько лет спустя Бурдые с большим интересом откроет для себя методы геометрического анализа данных, которые были изобретены в первой половине шестидесятых годов Ж.-П. Бензекри и которые позволяют анализировать плотные статистические массивы информации*.

* По Бурдые, математическая формализация экономики сама по себе не несет вреда. Она становится предметом его критики в тех случаях, когда используется экономистами-неоклассиками с целью изолировать экономическую логику от исторических социальных условий, в которые она помещена. Использование простых моделей и практика проверки гипотез, эксплицитно не задуманные как исторические и контекстуальные, симулируют экспериментальный метод, не способный привести к универсальным выводам. Упрощенные модели экономики в большинстве случаев излишне удалены от этнологических или социологических наблюдений соответствующих сегментов реальности. Вот почему Бурдые активно использовал методы геометрического анализа данных (AGD), которые основаны на простом эпистемологическом принципе, сформулированном Бензекри: «Модель следует заданными, а не наоборот». Исходя из той или иной социологической теоретической модели, социолог не должен заранее предполагать наличие сильных связей между двумя или тремя переменными, но должен попытаться охватить всю систему взаимосвязей между многими переменными и, одновременно, выявить дистанции между агентами (индивидами, предприятиями на рынке и т. д.). Такое ис-

В работах Бурдьё об образовании и культуре экономический язык, опробованный в этот период станет основным вектором критики идеализма, а также средством привнесения объяснения и моделирования в те секторы, которые традиционно сопротивляются научной объективации (наследство, капитал, инвестиция, интерес, накопление, выгода, плата, а также воспроизводство, классовая борьба, прибыль и т. д.). Аналогия рынка будет использоваться в отношении таких «некоммерческих» практик, как производство символических товаров, язык [24, р. 49-126; 25] и т. п. Эта «экономическая аналогия» явно противоречит идее «свободного» творчества: Бурдьё — «утилитарист», если понимать под этим отказ от харизматической идеологии творчества и «антипричинного» («антинаучного») видения искусства, от наивных концепций внутрисемейных отношений, от нормативной идеализации науки. То же самое относится ко всем сферам, в которых интересы отрицаются или, по меньшей мере, эвфемизируются. Нормы и ценности не могли бы быть действенными, если бы они не были вписаны в специфические интересы. Это не означает, что Бурдьё сводит всю совокупность социальных интересов к чисто экономическим. Напротив, он развивает «экономическую аналогию» с целью выявить специфику символических объектов и дать системное развитие идее, согласно которой некоторые универсумы (искусство, наука, бюрократия...) способны определять экономические интересы как нечистые и вторичные в сравнении со специфическими символическими интересами (чистыми, т. е. относительно автономными*). Центральной проблемой, на которую указывал Пассрон, является вопрос о границах использования аналогии, но не потому, что, как он думает, она может быть неадекватной в некоторых контекстах, а по той причине, что любой экономический термин может быть понят в своем узком или широком смысле. К примеру, понятие «школьного рынка», используемое Бурдьё в отношении французской системы образования, означает, что — какой бы ни была официальная структура учебных заведений (государственных или частных) — агенты вынуждены совершать выбор из широкого спектра возможностей, что институции в той или иной степени конкурируют между собой и что в этой игре есть победители и проигравшие. Однако под этим не подразумевается, что существует механизм цен в монетарном смысле. И если Бурдьё говорит о «ценах» на «лингвистическом рынке», это не означает, что эти цены имеют конкретное денежное выражение — элемент, конститутивный для «чистой» цены. Если дипломы об образовании оцениваются обществом — через зарплату, уровень квалификации, которого они позволяют достичь и т. д., то процесс их «девальвации» не измеряется и не исчисляется социально на манер курса обмена валют. Можно сказать, что экономическим терминам Бурдьё дает не монетарный и не количественный смысл:

пользование AGD обнаруживает структурные гомологии, например — между целым пространством и специфическими полями производства (к примеру, поле производителей частных домов), что позволяет понять социальный процесс регулирования спроса и предложения.

* Он часто использовал выражение «максимизация символического и материального капитала» в 1972 г. [26]. Это выражение хорошо показывает, какую роль для мысли Бурдьё играют неоклассические схемы.

как если бы «социальная оценка» представляла собой всеобщий феномен, а денежные и количественные измерения — специфические исторические конструкции, связанные с рождением экономического поля. Это сближает его с дюркгеймовской гипотезой, положенной в основу социологической реконструкции экономических объектов.

Интеграция экономических и социальных факторов; символическое измерение

Процесс усвоения и критики научных теорий, характеризовавший развитие Бурдьё в период с 1958 по 1966 г., может быть реконструирован при помощи следующей интеллектуальной линии; «экономические» аспекты выступают производными от специфических символических операций, совершаемых с целью «высвобождения» некоторой сферы реальности по отношению к гибридным и смешанным ситуациям. Это период, в который Бурдьё стремится переосмыслить символические процессы, порождающие социальный порядок. Понятие «экономического космоса» позволяет денатурализовать этот социальный порядок путем выявления его символического основания*.

Уже в «Социологии Алжира» [10] Бурдьё анализирует некоторые виды «символического обмена», которые видятся ему тесно переплетенными с более «материальными» факторами. Первые ограничивают возможность капиталистического накопления, поскольку, помимо прочего, создают «обязательства» в логике чести и ассоциируются с экономикой, основанной скорее на предусмотрительности, чем на прогнозе. В книге «Распределение прибылей» авторы пытаются интегрировать анализ экономических изменений (проделанный в «Правилах искусства» в INSEE) в общую картину более сложных социальных и культурных изменений во французском обществе. Экономические изменения оказываются «включенными» в символические структуры.

В первой половине шестидесятых Бурдьё исследует четыре специфических объекта, составивших эмпирическую базу для более общей концепции отношений между экономикой и обществом, которую можно расценить как «радикальную коррекцию» экономизма. Каждый раз, беря некоторые элементы экономических теоретических положений и наблюдений (слова, схемы, методы, факты), он «корректирует» их исходя из тех символических измерений, в которые они вписаны. Так, микроэкономика и эконометрия могут быть полезны, если они полностью переинтерпретированы в контексте символической экономии. Результаты этой коррекции/интеграции включают в себя серию эмпирических тезисов, развиваемых в этот период, и вместе с тем подвергают сомнению «привычные» экономические объяснения.

(1) Экономическое неравенство (доходов, имущества и т. д.) вписано в различия классовых этосов. Рассматривая это неравенство в отрыве от распределения других ресурсов и вне логики габитуса, сложно понять, каким образом оно воспроизводится или, наоборот, уменьшается и увеличивается в разные исторические периоды. Экономизму (в его неолиберальной, кейнсианской или марксистской версии) присущ наивный оптимизм относитель-

* Эти положения найдут развитие в более поздних работах; [11; 27; 28].

но возможностей изменения, инноваций и т. д. Воспроизводство экономического порядка зависит не только от передачи экономического наследства, но также от диспозиций и от культурного капитала — факторов, отрицаемых в «операционистских» или технократических концепциях общества.

(2) Такие демографические изменения, как колебания уровня рождаемости, являются результатом совершаемого внутри семей «выбора», который определяется, среди прочего, различными системами ценностей (включая религиозные) и, в частности, отношением к будущему, зависящим от конкретной социальной траектории. Например, «стоимость ребенка» редко является той субъективной или объективной причиной, по которой принимается решение иметь или не иметь детей. Микроэкономические модели способны предоставить лишь формальные рамки и эксплицитные системы возможных причин, не предлагая по этому случаю существенных или правдоподобных гипотез. Необходимо, чтобы они были «прочитаны» социологическим глазом и интегрированы не в интенциональную, а в диспозиционную концепцию действия. Помогая при прогнозировании, они не в состоянии ничего по-настоящему объяснить,

(3) Индивиды, располагающие одинаковым уровнем дохода и имущества, могут значительно различаться по своим потребительским практикам, что свидетельствует о важности стилей жизни, увязанных с условиями существования класса посредством габитуса класса. Это положение никоим образом не противоречит взглядам М. Хальбвакса и школы Э. Дюркгейма. После второй мировой войны, в период быстрого расширения и роста рынков массового потребления, или так называемой массовизации, потребление домохозяйств в немалой степени определялось поиском символических различий в реляционной социальной системе (которая получит имя социального пространства в «Различении» [23]). Этот поиск различий концентрируется скорее на качестве и способе пользования товарами, чем на простом приобретении и владении (к примеру, телевизором). Однако качественные измерения экономических практик не видны за лесом экономических данных и концептов (являющихся продуктами экспансии экономического *illusio*). Эти последние должны быть подвергнуты деконструкции или, как минимум, контекстуализации, если мы хотим избежать структурно искаженного видения социальной реальности. (Данный императив впоследствии приведет Бурдьё к теме экономики счастья, близкой современной критической дискуссии вокруг таких экономических показателей, как ВВП [29].)

(4) Школьная успеваемость и культурные практики зависят в большей степени от культурного капитала, чем от экономических ресурсов. Это открытие легло в основу обобщенного употребления понятия «капитал» при анализе культурных практик и производства. Понятие капитала является типично «не-экономистской» экономической категорией, чем объясняется необходимость в выражении «экономический капитал». Несмотря на кажущуюся избыточность, понятие капитала не используется здесь в его прямом значении формы материальной или финансовой собственности. Перенесение данного понятия на различные специфические социальные поля усиливает плюралистический характер интересов, ресурсов, накопления и выгоды. Анало-

гая «игры» и понятие «illusio» способствуют систематизации этого плюралистического видения социального пространства. Но если социальное пространство множественно, это не означает, что ни одно поле не доминирует над другими. В действительности, «экономическое поле» стремится подчинить себе все остальные, не исключая политического поля и полей культурного производства. Это стало актуально в 1980-1990-е гг.

Этот краткий анализ возникновения «экономического дискурса» в работах Бурдьё позволяет сделать следующий общий вывод. Между 1958 и 1966 гг. в его отношениях с экономикой одновременно возникают два противоположных вектора. Первый направлен «в глубь» экономики, в частности, микроэкономики, что отражает стремление Бурдьё объективировать факты социальной реальности, и особенно — в областях, враждебных такой объективации (таких, как интеллектуальное или литературное поле). Второй вектор ведет к разрыву с той особой схоластической точкой зрения, которая является порождением экономистов (с их специфической политической ангажированностью: марксизм, кейнсианство, либерализм...)*. Символическое измерение социальной реальности становится тем инструментом, который, беря свое начало в дюркгеймовской традиции, позволяет Бурдьё не отступать от радикально социологической точки зрения в его стремлении обобщить экономический дискурс, не являющийся больше чисто экономическим. Возможно, это двойное движение, находящее выражение, с одной стороны, в формальной «экономизации» его анализа символического порядка, а с другой — в символической интерпретации оснований экономической реальности, в конечном счете является одним из наиболее персональных «секретов мастерства» Бурдьё, связанным с «раздвоением» его научного габитуса [30; 5]**.

Перевод с французского О.И. Курчик

Литература

1. Caille A. La sociologie de l'interet est-elle interessante? // Sociologie du travail. Vol. 23. 1981. №3.
2. Economic Sociology. European Newsletter. 2003. Vol 2. № 4.
3. Garcia-Parpet M.-F. Des outsiders dans l'economie de marche. Pierre Bourdieu et les travaux sur l'Algerie // Awal. 2003. № 27-28. P. 139-152.

* Уже в книге «Раздел прибылей» Бурдьё предстает как радикальный критик кейнсианского оптимизма, бывшего доминирующей идеологией во Франции середины шестидесятых годов. Его критика направлена, в частности, против этой наивной формы экономизма, в соответствии с которой социальным идеалом рисуется устойчивый экономический рост. Тридцать лет спустя Бурдьё выступил со схожей критикой неолиберализма и экономической науки как его основного теоретического источника. Некоторые ученые рассматривают эту критику как знак политического или идеологического изменения/конверсии. Однако она является скорее выражением довольно редкой (среди интеллектуалов) согласованности и непрерывности между теоретическими и политическими взглядами.

** Под «раздвоенным габитусом» Бурдьё подразумевает, помимо прочего, соединение, с одной стороны, конформизма и успехов в учебе, а с другой — бунта против посвящающей его институции. Точно так же, воспринимая всерьез экономистов-статистиков и стремясь держаться высокого уровня их формальной науки (многие устные свидетельства говорят даже о его несколько восторженном отношении к теории рационального выбора), он ставит

4. Desrosieres A. Une rencontre improbable et ses deux heritages // Encreve P., Lagrave R.-M. Travailler avec Bourdieu. Paris: Flammarion, 2003. P. 209-218.
5. Bourdieu P. Esquisse pour une auto-analyse. Paris: Raisons d'agir, 2004. P. 94-98.
6. Menger P.-M. Temporalite et differences interindividuelles: l'analyse de l'action en economic et en sociologie // Revue frangaise de sociologie. 1997. № 3.
7. Passeron J.-C. L'inflation des diplomes; remarques sur l' usage de quelques concepts analogiques en sociologie // Revue francaise de sociologie. 1982. № 23.
8. Passeron J.-C. Le raisonnement sociologique. L'espace non-popperien du raisonnement naturel, Paris: Nathan, 1991.
9. Bourdieu P. Esquisse d'une theorie de la pratique, precede de Trois etudes d'ethnoilogie kabyle. Paris-La Haye: Mouton, 1972.
10. Bourdieu P. Sociologie de l'Algerie. Paris: PUF, 1958.
11. Bourdieu P. Algerie 60: structures economiques et structures temporelles. Paris: Minuit, 1977.
12. Bourdieu P. Celibat et condition paysanne // Etudes rurales. 1962. № 5-6.
13. Bourdieu P., Boltanski L., Chamboredon J.-C. La banque et sa clientele. Rapport du Centre de Sociologie Europeenne. Paris: CSE, 1963.
14. Bourdieu P., Passeron J.-C. Les Heritiers. Les etudiants et la culture. Paris: Minuit, 1964.
15. Bourdieu P., Boltanski L., Castel R., Chamboredon J.-C. Un art moyen, essai sur les usages sociaux de la photographie Paris: Minuit, 1966.
16. Bourdieu P., Darbel A. L' amour de Tart, les musees d'art et leur public. Paris: Minuit, 1966.
17. Darras. Le partage des benefices. Expansion et inegalites en France / Sous la direction de P. Bourdieu, preface de C Gruson. Paris: Minuit, 1966.
18. Lebaron F. La croyance economique. Les economistes entre science et politique. Paris: Seuil, 2000.
19. Bourdieu P., Darbel A., Rivet J.-P., Seibel C. Travail et travailleurs en Algerie. Paris; La Haye: Mouton, 1963.
20. Fourquet F. Les comptes de la puissance. Aux origines de la comptabilite nationale et du plan. Paris; Encres, 1980.
21. Bourdieu P. La Domination masculine. Paris: Seuil, 1998.
22. Rouanet H., Lebaron F., Le Hay V., Ackermann W., Le Roux B. Regression et analyse geometrique des donnees: reflexions et suggestions // Mathematiques & Sciences Humaines. 2002. Vol. 40. № 160.
23. Bourdieu P. La distinction. Critique sociale du jugement Paris: Minuit, 1979.
24. Bourdieu P. Le marche des biens symboliques // Annee sociologique. 1971. № 22. P. 49-126.
25. Bourdieu P. Ce que parler veut dire. L'economie des echanges linguistiques. Paris: Fayard, 1982.
26. Bourdieu P. Les strategies matrimoniales dans le systeme des strategies de reproduction // Annales. 1972. № 4-5. P. 1105-1127.
27. Bourdieu P. Raisons pratiques. Paris: Seuil, 1994.
28. Bourdieu P. Les structures sociales de l'economie. Paris: Seuil, 2000.
29. Bourdieu P. Contre-feux. Paris: Raisons d'agir, 1998.
30. Bourdieu P. Science de la science et reflexivite. Paris: Raisons d'agir, 2001.

под сомнение саму ее специфику и принцип. И хотя подобный габитус может вести к интеллектуальной стерильности или к некоей разновидности научной и институциональной «шизофрениии», в случае Пьера Бурдьё он становится принципом изобретательности.